

ВКУС КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2014 г.

Аннотация: в статье обосновывается введение понятия культурного вкуса. На основе рассмотрения некоторых реалий социокультурной жизни западноевропейского общества XVII–XVIII вв. и их сравнения с тенденциями современной массовой культуры делается попытка раскрыть значение вкуса в культурной жизни общества.

Ключевые слова: вкус, культурный вкус, иерархия оценок, система рангов, массовая культура, элитарная культура, высокая культура.

Abstract: *the article proves the introduction of the concept of cultural taste. On the basis of consideration of certain realities of socio-cultural life of Western European society of the XVII–XVIII centuries and their comparison with tendencies of modern mass culture tries to explain the meaning and the role of cultural taste in the cultural life of society.*

Key words: *taste, cultural taste, hierarchy of ratings, system of ranks, mass culture, elite culture, high culture.*

Умение оценивать явления и результаты культурной деятельности, распознавая их качества и свойства с точки зрения определений хорошего и плохого, пригодного и непригодного, более и менее совершенного получило в рамках классической терминологии наименование способности вкуса. Как пишет Вольтер: «Вкус, то есть чутье, дар различать свойства пищи, породил во всех известных нам языках метафору, где словом “вкус” обозначается чувствительность к прекрасному и уродливому в искусствах: художественный вкус столь же скор на разбор, предвещающий размышление, как язык и небо, столь же чувствен и падок на хорошее, столь же нетерпим к дурному; нередко он бывает столь же неопределенен, сбивчив и теряется перед необходимостью судить, хорошо ли то, что ему предложено, и подчас требуются время и сила привычки, чтобы воспитать вкус» [1, с. 267–268]. Заметим, что, говоря о возможности использования понятия вкуса применительно к духовной жизни человека, Вольтер имеет в виду сферу искусства. Хотя изначально, на этапе введения в философский обиход, данное понятие использовалось в гораздо более широком контексте – как способность оценки культурной деятельности человека в целом, взятой во всем многообразии ее областей. Так, испанский философ и теоретик литературы Б. Грасиан, с трудами которого традиционно связывается становление проблематики вкуса, пишет: «Добираться во всем до лучшего – счастливый удел хорошего вкуса» [2, с. 32]. Искомая способность рассматривалась как своего рода

инструмент, который, будучи правильно налаженным и настроенным, безошибочно ориентирует своего обладателя в пространстве различных явлений той или иной культурной области, позволяя среди всего наличного многообразия отличить ценные и стоящие результаты, отделив их от непригодных и неудачных. При этом настройка данного инструмента предполагает учет специфики соответствующей предметности. По мысли Д. Юма, в таких сферах духовной деятельности, как поэзия, красноречие, история, степень большего или меньшего совершенства будет определяться на основании различных критериев и норм вкуса. Правомерность действия интересующей нас способности утверждалась также в области морали. Как полагает французский мыслитель Сент-Эвремон, «люди поистине достойные в ее [морали. – А. В.] уроках не нуждаются: им свойствен безошибочный вкус, естественно склоняющий их к добру» [3, с. 500]. Одновременно такие определения вкуса, как «утонченность», «изысканность», использовались для положительной оценки интеллектуальной деятельности. Читаем у Лабрюйера: «Речи теперь стоятся с такой точностью и ясностью, что в них невольно проглядывает изысканный ум» [4, с. 133]. То есть точность и ясность рассматриваются здесь как требования хорошего вкуса, предъявляемые к деятельности нашего ума. Однако весьма скоро последующее развитие дискурса сместилось в область искусства, и вкус духовный стал отождествляться с художественным. Между тем «чутье», «чувствительность» к хорошему и плохому имеет место во всех сферах культурной деятельности человека, чем, собственно, и обосновывается правомерность дискурса о вкусе далеко за пределами области искусства.

Интересующая нас способность формируется в процессе освоения достижений той или иной области культуры. Соответственно, она не является врожденным качеством, естественно присущим человеку от природы, и, следовательно, качеством всеобщим, а потому не каждый имеет право выносить оценки вкуса в той или иной культурной области. В то же время важно отметить, что количество усилий, времени, требующееся для воспитания данной способности, будет весьма существенно различаться в зависимости от выбранной предметной сферы. Понимание этого момента мы встречаем у Лабрюйера: «Нужно очень немного, чтобы отличиться утонченностью манер, и очень многое, чтобы отличиться утонченностью ума» [там же, с. 348]. Не случайно возникает деление духовной культуры на высокую и низкую. Овладение теми областями, которые относятся к рангу низкой культуры, доступно для многих людей в большей или меньшей степени, чего нельзя сказать о явлениях культуры высокой. В последней представляется возможным выделить три равнозначные, не сводимые друг к другу сферы: сферу морали, сферу о должном – или искусство жить; сферу науки, сферу о сущем – или искусство мыслить; и собственно сферу искусства как художественного представления действительности.

В то же время попытка приобщения к культурным традициям еще не является гарантом того, что вкус, который сформируется в конечном ито-

ге, можно будет оценить как хороший. Неверно выбранные ориентиры, незнание лучших образцов своей области даже при затрате длительного времени и многих усилий в очень малой степени будут содействовать развитию данной способности, уровень которой будет или низким, или столь незначительным, что можно будет отрицать ее наличие у индивида. Иметь плохой вкус и не иметь его вовсе не одно и то же. В первом случае осуществлялся процесс воспитания, но только успех сопутствовал ему не всегда и не во всем, – вкус оказался слишком грубым или слишком невосприимчивым. Но это не то же самое, что случайно возникающие предпочтения, или, выражаясь языком Лабрюйера, пристрастия. Даже плохой вкус все же есть.

В областях высокой культуры исключительную важность обретает опора на авторитет. Ибо если не каждый обладает правом выносить решения, хорошо нечто или нет, то должна существовать определенная инстанция, к компетенции которой относятся суждения подобного рода. Именно она определяет, что есть лучшее, каким принципам и нормам необходимо следовать, какие авторы и произведения достойны внимания.

Нетрудно заметить, что утверждаемая позиция на проблему вкуса по сути своей противоположна воззрению, доминирующему в современной культуре, согласно которому выносить суждение вкуса, в том числе и в сферах высокой культуры, может каждый. Кроме того, каждый имеет право настаивать на своей оценке, не принимая во внимание чью бы то ни было позицию. Расхожее «о вкусах не спорят» воспринимается едва ли не в качестве догмы. И взятое в этом качестве, по сути, снимает саму проблему вкуса. И действительно, искомая проблема не имеет не то что решающего, но вообще сколько-нибудь заметного места в пространстве современной культуры – культуры массовой, ориентированной не на превосхождение высших достижений прошлого, но на удовлетворение запросов большинства. «В отношении к созданиям массовой культуры проблема вкуса конкретизируется как проблема “плохого”, или “дурного”, вкуса» [5, с. 155]. Безусловно, и в ее пространстве имеет место различие хорошего и плохого, но всегда низкий уровень развития этой способности.

Рассуждая о феномене массовой культуры в контексте проблематики вкуса нельзя не обратиться к рассмотрению «элитарной культуры» начала XX в., а именно к авангардистским течениям, заявлявшим о себе подобным образом. Правда, на сегодняшний день такое позиционирование менее претенциозно, ибо эти направления, имевшие своей интенцией противопоставление себя массовой культуре, во многом уже сами оказались в русле последней. «...Классическим авангардом называют совокупность разнородных и разнозначимых художественных движений... манифестировавших свою бунтарскую противопоставленность как современной им модернистской норме, так и, в особенности, традиционному представлению об искусстве, его задачах и формах. “Модернизм, – отмечает сегодня Лев Рубинштейн, – как бы принимает основные ценности традиционного искусства, но занимается обновлением художественных средств при решении так называемых вечных задач искусства. <...>

Авангардизм же все время создает другое искусство, обновляет не средства его, а сам предмет искусства». Эти принципы, то есть демонстративный, а зачастую и агрессивный радикализм, «доминанта нетрадиционности», которую Алексей Зверев выделил как «главное отличительное свойство» всего явления в целом...» [6, с. 18]. Появление авангардистских течений с их резким неприятием традиции и стремлением к «новизне» стало ответом на вопрос о путях дальнейшего развития искусства и культуры в целом. Между тем категорический отказ от классического традиционного наследия является лишь одним из возможных вариантов ответа. В свое время данный вопрос возникал в контексте так называемого «Спора о древних и новых», полемики во Французской академии, разгоревшейся в конце XVII в. относительно достоинств античных и современных произведений. При этом целью дискуссии было не отрицание ценности классического наследия, но уточнение ориентиров в соответствии с тем развитием, которое прошла культура со времен античности. Собственный вкус, утверждает Н. Буало, выкристаллизовывается путем подчинения вкусу «разумных и утонченных людей всех веков и народов» [7, с. 318]. Причем значимость наследия прошлого не отрицалась ни одной из спорящих сторон. Ведь уход от его внимательного освоения означает отказ от всей той сложности, что стала результатом длительных завоеваний человеческого духа и являет собой ту почву, на которой только и могут получить свое начало ростки подлинно нового. Собственно рассматриваемые течения, дабы обосновать позиционируемый статус элитарности и одновременно отделить себя от «низких», образовывали свою сложность. Правда, если в пространстве высокой культуры последняя возникает как следствие решения имманентных трудных проблем своей области, к которым выходит искусство, взяв определенную значимую высоту, то здесь она оказывается результатом намеренного усложнения языка произведений и искусственного затруднения возможности понимания. Среди свойственных авангардизму черт отмечается «сознательная, а подчас и шокирующая установка на «непонятность» как на способ преодолеть (или разрушить) автоматизм эстетического восприятия, поэтому, по словам Максима Шапира, «непонимание, полное или частичное, органически входит в замысел авангардиста...» [6, с.18]. Но подобный замысел обнаружил свои точки преткновения: «Однако из-за отсутствия к.-л. четких критериев, позволяющих судить об адекватности их [произведений. – А. В.] понимания, оказалось невозможным провести водораздел между «элитой» и «массой», тем более что широкая публика, привыкшая с годами к авангардистским экстравагантностям, обнаружила склонность воспринимать их как элемент повседневного быта и перестала демонстрировать свою «невосприимчивость» к «новому искусству» [8, с. 411]. Стоило широкой публике, желающей приобщиться к «элите», в той или иной степени освоить этот язык, как мгновенно снизился градус элитарности.

Для сравнения тенденций данного направления с ориентирами высокой культуры отметим несколько основных требований, признаваемых

в рамках последней: это максимально возможная простота изложения и нацеленность на ясность понимания. Так, теоретик классицизма Н. Буало, обладавший безусловным авторитетом в области литературы и поэзии XVIII в., полагал указанные качества необходимыми условиями художественной деятельности в сфере высокого искусства. Отсутствие принципиального «водораздела» между авангардистским направлением и массовым искусством отмечают многие исследователи, как собственно и внутреннюю противоречивость тенденций самого этого направления, стремящегося, с одной стороны, утвердить себя в качестве элитарного, доступного не для всех, а с другой – апеллирующего «к так называемому “чистому” сознанию, т.е. сознанию, не отягощенному культурными нормами в их конкретно-историческом (и, стало быть, изначально ущербном) варианте» [9, с. 13]. «Чистое» сознание, не отягощенное культурными нормами, собственно и встречается в среде носителей массовой культуры: для авангардизма «характерны ориентации на предельно повседневное сознание (нашедшие программное выражение в позиции искусства поп-арт)» [там же]. Отсутствие «водораздела» с массовой культурой обнаруживается и в области проблемы вкуса: «Пафос авангардизма фундирован... идеей плюрализма различных (и при этом аксиологически равноправных, т.е. равновозможных) типов восприятия действительности» [там же]. Именно массовое сознание приветствует идею о равноценности и равноправии различных «типов восприятия действительности», идет ли речь об искусстве или, например, о философии, т.е. идею, которая, как было сказано, фактически снимает проблему вкуса. В рамках современной культурной реальности с ее представлением, что о вкусах не дискутируют и что, следовательно, нет необходимости искать основания для утверждения общезначимой системы норм и оценок, вполне закономерным явлением оказывается декларируемый постмодернизмом произвол интерпретаций. XX век в лице своих видных деятелей фактически отрицает значимость существовавших ранее дискурсов и принятых им соглашений. Так, один из известных мыслителей постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар открыто декларирует отказ от «консенсуса вкуса» с его заранее установленными нормами [10, с. 216]. А в отсутствие твердой иерархии оценок неизбежно возникает ситуация, сложившаяся сегодня, в частности, в пространстве художественной культуры, когда «многим «любителям искусства» и даже «знатокам» равнозначными представляются любые проявления творческой (и псевдотворческой) деятельности: от китчевых поделок до созданий «большого искусства» [5, с. 153]. Коротко говоря, различные явления культуры оказываются однопорядковыми.

В свете вышесказанного особый интерес представляет обращение к тем культурным традициям, духовная жизнь которых разворачивалась в контексте утверждения бесспорной важности способности вкуса. Примером такой традиции может служить культурная жизнь аристократических (придворных, прежде всего) обществ XVII–XVIII вв. Пожалуй, своего наиболее полного проявления она достигла во французском высшем обществе, в котором культивирование ценности вкуса пронизывало

буквально все сферы жизни как общественной, так и частной. В культурной жизни аристократии мы обнаруживаем традицию, утверждающую безусловную ценность вкуса и противостоящую в этом отношении явлениям и тенденциям массовой культуры: здесь на уровне господствующих представлений разделяются утверждения, что развитый вкус – это способность выбирать лучшее и превосходное, имеющаяся не у каждого, что она формируется и воспитывается в течение длительного времени и требует значительных усилий для своего развития и что в оценках вкуса должно ориентироваться не на мнение большинства, а на суждение авторитета.

Как предполагает научный взгляд на вещи, всякое явление имеет условия для своего возникновения. Обращение к этим условиям представляет для нас особый интерес. Сопоставив их с реальностями современной культуры, мы сможем понять, почему в рамках последней невозможно формирование вкуса как значимой и определяющей величины.

К поиску этих условий обращается, в частности, Вольтер. Как характеризует аристократическое общество французский мыслитель, входили в него «люди богатые и праздные»: «Истинный вкус находит прибежище лишь в столицах крупных государств, да и тут он – удел немногих, простонародью он недоступен. Не до вкуса буржуазным семьям, которые поглощены заботами о состоянии, домашними хлопотами и тупым бездельем, знающим лишь одно развлечение – карты. Изящным искусствам наглухо закрыт доступ во все места, имеющие отношение к юриспруденции, финансам и торговле» [1, с. 279]. Однако, хотя финансовый достаток и досуг или возможность праздного времяпрепровождения, являются важными условиями для формирования хорошего вкуса, но в то же время и недостаточными. Одно их наличие не влечет необходимости к развитию интересующей нас способности. Кроме того, данными условиями располагала не одна только знать. Порой наследники богатых торговцев, финансистов могли похвастаться гораздо большим состоянием, нежели аристократия, но в редких случаях хорошим вкусом, не говоря уже о вкусе превосходном. Как отмечают Ю. Б. Корнеев и Э. Л. Линецкая, «...во Франции XVIII в. круг людей образованных, способных вести интересную беседу, оценить ум, остроумие, начитанность был узок и входили в него главным образом высшие слои дворянства» [11]. То же положение дел можно увидеть и в современности: наличие в распоряжении некоего человека двух указанных факторов отнюдь не способствует развитию у него рассматриваемой способности. Видимо, между праздностью аристократа и «тупым бездельем» богача есть существенное различие. В свете сказанного интерес представляет рассмотрение особенностей аристократии как класса со свойственным ему мировоззрением, образом жизни, а именно тех особенностей, которые способствовали превращению праздности в условие развития вкуса вместо отупения в процессе безделья.

Как очевидно, без определенной необходимости или принуждения, внутреннего или внешнего, которое бы побуждало человека двигаться в

некотором направлении, он не смог бы преодолеть сколько-нибудь значимое расстояние, особенно на пути, требующем усилий и длительного времени. А поскольку ценность вкуса разделялась не просто на уровне отдельных случаев индивидуального интереса, но в рамках целого класса, постольку необходимо должен был существовать ряд взаимосвязанных факторов, побуждающих к утверждению этой ценности. Понятно, что выделение магистрального движения не исключает случаев отклонения от его основной линии, а то и вовсе направленности в противоположную сторону. Собственно, и сами представители аристократии нередко высказывались против тех потомков знатных родов, которые единственно чем могли похвастаться – своей родословной, но никак не личными заслугами. Стоит ли удивляться подобным отклонениям, когда речь идет о человеческом обществе, принадлежит ли оно нашему времени или векам прошлого? Ведь по-настоящему достойно внимания, что в рамках целого общественного класса могло стать магистральным движение такого рода – движение, нацеленное на развитие способности вкуса и нахождение лучшего в самых разных областях жизни.

В последующем изложении мы попытаемся рассмотреть некоторые специфические реалии внутренней и внешней (или психологической и социальной) жизни аристократии с целью обнаружения в них тех условий, которые способствовали утверждению ценности вкуса в рамках целого общественного сословия. Безусловно, означенное разделение является довольно упрощенным, но мы и не претендуем на исчерпание всей сложности данного вопроса, заранее отмечая его неполноту и фрагментарность. Кроме того, эти реалии тесно сплетены между собой и взаимно обуславливают друг друга. Для более глубокого понимания традиции, носителями которой стали представители аристократии, мы будем обращаться к некоторым ключевым этапам становления данного сословия. Историки выделяют два принципиальных периода в развитии класса «благородных»: рыцарское сословие воинов и придворное аристократическое общество.

Сначала мы остановимся на некоторых качествах и особенностях внутреннего склада личности представителя «благородного» сословия. В числе этих качеств отмечаются следующие: гордость и особое представление о собственном достоинстве, стремление к превосходству и самоутверждению, противопоставление себя остальной массе людей. Итак, каковы основания для чувства гордости? Естественным свойством человека является стремление к самоутверждению, к проявлению своих качеств и сил, и в конечном счете к признанию собственной значимости перед другими людьми и самим собой. Сословие «благородных» выработало определенную систему представлений относительно того, какими качествами и способностями необходимо обладать человеку для признания ценности его личности и его жизни. Причем сама эта ценность устанавливалась исходя из достижения человеком определенного уровня во владении данными способностями, своего рода планки, установленной на основе ряда критериев. Отличительной характеристикой этой план-

ки являлась ее труднодостижимость. Причем по мере развития общества она отодвигалась вверх, говоря иначе, происходило усложнение требований. Об особенностях этой системы качеств, выработанной аристократией на первом этапе своего формирования, мы находим у М. Блока. Как отмечает историк, в XI в. аристократия как юридически оформленный класс еще не существовала, но с некоторого момента стало возможным говорить о социальном сословии благородных, а точнее, об особенностях нравов и мировоззрения определенного класса людей [12, с. 282]. Как известно, основным призванием средневековой аристократии была война, поэтому качества, необходимые для признания ценности человека и его жизни, были связаны с ратными доблестями. Примечательно, что сама эта деятельность рассматривалась не как тяжкая повинность, но как занятие, наиболее соответствующее чести и гордости мужчины, как смысл жизни. Находим у Блока: «...Воин, не колеблясь, считал свое общественное предназначение более значимым, чем молитвы монахов. Гордость – одна из необходимых составляющих классового сознания. Гордостью «благородных» эпохи феодализма была гордость воина» [там же, с. 286]. Восприятию «благородного» воина было присуще убеждение, что он живет не так, как обычные люди, во всех отношениях превосходя последних, что он чувствует и мыслит не так, обладает особыми, исключительными качествами, что он человек иной породы. «Рыцарь с высоты своих доблестей: мужества и отваги, презирает “невоинственных” людей, тех, кто не носит оружия, – виллана, который удирает, “как олень”, при одном только виде меча; позже горожанина-буржуа... Но если стремление к кровавым расправам было распространено повсеместно... то восприятие войны как необходимости, доставляющей, с одной стороны, честь, а с другой – средства к существованию, была достоянием только узкого круга “благородных”» [там же, с. 292].

Говоря иначе, достижение определенной степени владения особыми труднодостижимыми качествами, наличие которых можно было зафиксировать отнюдь не у каждого, позволяло «благородному» воспринимать себя как личность. Достоинство и гордость есть осознание высокого значения этой степени и одновременно основание для противопоставления себя другим. Представление о том, что люди не равны, что высоких отличий и наград заслуживают лишь очень немногие, ставшие обладателями исключительных качеств, входило в плоть и кровь доблестного воина. Обратим внимание, сколь далеко данное представление отстоит от современного, утверждающего равенство всех людей и наделяющего практически каждого человека характеристиками личности. В одном из философских словарей дается следующее определение личности: это «человек в качестве социального индивида, индивида как члена об-ва. <...> Л. – человек как “преломление” социального в индивиде» [13]. И далее делается последовательный вывод, что, поскольку человек – это социальное существо, постольку каждый обладает искомыми качествами. Если обратиться к современным философским словарям, можно заметить, что в числе характеристик личности чаще всего перечисляются следующие:

разум, чувства, воля, свобода. Первые три качества можно обнаружить у всех людей, в большей или меньшей степени. Примечательно, что как раз относительно степени и возможных особенностей никаких пояснений не дается. В этом случае мы можем с полным правом заключить, что такие личностные характеристики, как разум и чувства, присущи не только людям, но и животным. Собственно, как и воля: большинство людей будут говорить о необходимости вставать со звонком будильника на работу как о проявлении могучей воли. Но по сути своей она равнозначна необходимости добывать средства к существованию в животном мире. Характеристикой, наиболее соответствующей сущности личности, представляется свобода. Однако ее определение как способности поступать не под влиянием принуждения, а в соответствии со своими желаниями и представлениями позволяет сделать выводы о наличии данного качества, в той или иной мере, у каждого человека. Однако наличие у каждого «личностных» характеристик нивелирует их ценность: какой смысл стремится к обладанию тем, что есть у всех, или к легкодостижимым благам, доступным для большинства?

По мере развития аристократического общества, превращавшегося из рыцарского сословия в придворное, требования относительно обладания определенной группой качеств только ужесточались, тогда как сама эта группа все более пополнялась новыми предписаниями, предъявляемыми к исполнению. Зарождение придворного общества, предполагающего довольно тесные и частые контакты между его представителями, потребовало возникновения правил поведения, способных регулировать взаимодействия людей этого класса. Людей с высокой самооценкой, со сформировавшимся мировоззрением воина, рассматривающего себя как завоевателя, а жизнь как поле для побед, – побед, которые особенно упоительны, когда противником выступает человек равный, или даже превосходящий по силе. Взаимодействие между людьми, основанное, с одной стороны, на уважении силы и качеств друг друга, а с другой – на желании побеждать, невозможно без выстраивания определенной дистанции между ними, строго регулирующей норму того, что можно себе позволить, и чего нет в отношении равного по статусу и силе человека. Умение соблюдать эту дистанцию, с достоинством выходя из сложных ситуаций, на которые столь щедро придворная жизнь, становится ценным и отличительным качеством «благородного» человека. Когда полем для самоутверждения и побед становится двор, для превосходства мало одной только смелости: определение «благородный», читаем у Блока, всё в большей степени начинает ассоциироваться со словами «светский», «безупречный». Отныне аристократ стремится блистать и превосходить своих соперников не столько славой ратных подвигов, сколько верностью правилам хорошего тона, умением держать себя в обществе, соблюдать дистанцию, а после запрета дуэлей способностью отражать удар не мечом и шпагой, а словом. Причем владение словом было необходимо не только в споре, но также и для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство в поэтическом и литературном даровании. Упражнения в

красноречии, поэзии и искусствах рассматривались как увлекательный и позволительный для благородного человека способ праздного времяпровождения. Если для представителя третьего сословия занятия такого рода выступали пустой тратой времени и сил, то для аристократа они являлись еще одним способом самоутверждения: «Небольшие, искусно написанные стихотворения, иной раз намеренно зашифрованные, – знаменитая *темная речь* – как нельзя лучше подходили для чтения на аристократических сборищах. Узнав радости, утонченность которых делала их не доступными для вилланов, аристократы чувствовали свое превосходство тем более остро, чем искренней наслаждались. Подпаив под магию слов, они были чувствительны и к музыке, так как стихи читались под аккомпанемент музыкальных инструментов» [12, с. 301].

Еще одним качеством, предъясняемым «благородным» сословием к своим представителям, становится образование, которое с течением времени всё больше приобретает интеллектуальную направленность. Исследуя французскую аристократию, Пименова пишет: «Общий тип и уровень образования, принадлежность к изысканной культуре XVIII века характеризовали блестящее великосветское общество Парижа. Его салоны и масонские ложи стали очагами распространения всевропейской моды на французское Просвещение» [14, с. 98]. При этом подчеркивался высокий уровень просветительских доктрин: «Это не для портных и сапожников» [там же, с. 115], – говорил Вольтер о содержании своих философских идей. Знание языков, истории, литературы, искусства, философии, широкая гуманитарная культура – это лишь небольшая часть требований, предъясняемых к дворянину, желающему войти в великосветское общество XVII–XVIII вв. Удовлетворение данным требованиям предполагало не просто поверхностное ознакомление с указанными областями, но достижение некоторого значимого уровня в их освоении. В свою очередь, возможность определения этого уровня связана с наличием развитой системы рангов, которая на основе ряда взаимосвязанных принципов и критериев оценивания устанавливает образцы хорошего и плохого, превосходного и неудовлетворительного владения соответствующей предметностью.

Вместе с тем существование данной системы культивировало присутствие психологическому типу аристократа качества – стремление к превосходству, готовность побеждать. Шла ли речь о воинской доблести и победе в поединке или поэтическом даровании и победе слова – всегда было четкое представление о силе противника, о том, насколько высоко его место в системе рангов, насколько далеки или близки к вершине собственные позиции. Такое внутреннее качество, как воля к победе, если и не полностью сводится на нет, то, по крайней мере, уж точно лишается возможности процветать и культивироваться при отсутствии строго установленной ранговой системы и понимания о высшем и лучшем. Говоря иначе, понимания, что или кого именно нужно превзойти, а также критериев, на основании которых осуществляется ранжирование. Однако если в поединке сравнительно легко определить сильнейшего и лучшего, то в искусстве это сделать гораздо сложнее.

Неудивительно, что запрет дуэлей крайне негативно воспринимался дворянами: состязание в мастерстве владения оружием, в ловкости и смелости рассматривалось ими как их исконная область самоутверждения. Обращение светского придворного общества к искусству, литературе потребовало установления системы рангов в этой области и критериев оценки, т. е. системы, признаваемой всеми, – иначе теряется смысл состязательности. Установление такой системы предполагает наличие авторитета как своего рода судебной инстанции, сумевшей доказать и отстоять свое превосходство и право на критику. Можно предположить, что искусство не обладало бы ценностью и интересом для дворянина, если бы не открывало простор для самоутверждения и если бы не давало возможности проявить себя как знатока, ценителя, а нередко и творца в области высокой культуры, сложность которой делает ее не доступной для большинства.

В свою очередь, наличие системы рангов, умение отделять хорошее от дурного, высокое от низкого, необходимость точной оценки самого себя и своего места в этой системе – всё это предполагало необходимость исключительно развитой способности вкуса. Представители аристократического круга ориентировались на понимание и поиск лучшего в самых разных сферах жизни как общественной, так и личной, определяя для себя результат множества выборов – сферы занятий, поведения, манеры общения, развлечений и досуга, что есть достойное, а что недостойно чести аристократа. И этот выбор, рассматривавшийся как лучший из возможных, всегда требовал обоснования в качестве такового. Ведь только понимая причину собственного превосходства над остальными, аристократ обретает твердые основания для гордости и самоуважения – качеств, без которых немислим психологический тип аристократа. Таким образом, вкус с необходимостью становился одним из важнейших качеств «благородного» человека.

В то же время, если рассматривать вкус, с точки зрения представителя массовой культуры, как естественную способность, которой обладает каждый, то вместо гордости завоевателя мы имеем высокое мнение о себе, данное «по праву рождения». В рамках такого подхода нет необходимости в установлении ранговой иерархии. Ее утверждение лишается всякого смысла и рассматривается как навязывание свободной творческой личности некой системы, ограничивающей ее свободу и мешающей в полной мере проявлению богатства ее творческого потенциала. Отсюда, собственно, делается понятной и обоснованной значимость всеобщего одобрения, которое массовая культура ставит в качестве цели достижения. Поскольку свободная творческая личность и сама, без всяких авторитетных суждений может решить, хорошо или дурно то или иное произведение искусства чем больше голосов высказутся «за», тем, соответственно, выше поднимется статус последнего. А если учесть, что создатели продуктов массового потребления далеко не в последнюю очередь ориентированы на коммерческие интересы, то одобрение большинства становится поистине огромной ценностью.

Действительно, наличие ранговой иерархии и необходимость подчиняться ее основаниям выступает как весомое принуждение, которое на первый взгляд ограничивает свободу человека. Однако в то же время эта необходимость выступает и условием последней. Как пишет Ницше: «...Самое существенное “на небеси и земле” заключается, по-видимому, в том, что люди долго повиновались в одном каком-либо направлении; следствием этого всегда является и являлось в конце концов нечто такое, ради чего стоит жить на земле, например добродетель, искусство, музыка, танец, разум, духовность, – нечто просветляющее, утончённое, безумное и божественное» [15, с. 97]. Повиноваться долго и повиноваться в одном направлении, подчиняя свои способности некой заданной мере, – вот условия, необходимые для развития, в том числе и вкуса. Не произвольность и постмодернистское смешение разных стилей и направлений, не поиск новизны и «перепрыгивание» с одного предмета на другой, но неуклонное движение и подчинение себя определенной традиции. «Связывать себя в такой мере может показаться нелепым; тем не менее не существует иного средства выйти из натурализма, как сначала связать себя сильнейшим образом (быть может, произвольнейшим образом). Научаешься постепенно грациозно ходить даже по узким тропинкам, по которым переходишь через головокружительные пропасти, и приносишь с собой, как добычу, величайшую легкость движения – как то доказывает история музыки на глазах всех ныне живущих. Здесь можно видеть, как шаг за шагом оковы становятся слабее, пока наконец не начинает казаться, что они совсем отброшены: эта иллюзия есть высший результат необходимого развития в искусстве» [16, с. 185]. Собственно, выстроенная на определенной основе система рангов и представляет собой тот вариант связывания, без которого невозможны развитие и соответственно достижение свободы.

Итак, важнейшей заботой для дворянина оказывается поддержание ранговой системы, ее развитие, детальная разработка, втягивание в нее самых разных сфер культурной жизни. Ведь свои социальные почести и привилегии он обосновывает именно тем, что достигает в этой системе высокую или высочайшую позицию. И здесь мы уже обращаемся к рассмотрению реалий социальной жизни аристократического общества. Одной из ее существенных черт является необходимость представительства, обязывающая аристократа постоянно подтверждать свой общественный статус. Особенность этого представительства в указанный период заключалась в том, что само подтверждение необходимо было осуществлять путем доказательства своих высоких позиций в культурной системе рангов. Говоря иначе, высота общественного статуса должна была подкрепляться соответствующей высотой культурных достижений. Необходимость представительства ставилась настолько высоко, что аристократическое общество допускало к себе далеко не каждого наследника знатного рода. Человек, не сумевший удовлетворить его предписания, становился изгоем, посмешищем и в конечном итоге вынужден был его покинуть.

Необходимость представительства объясняет, в частности, непомерные расходы на содержание дома, его убранство, которые зачастую приводили к разорению: «Высокий ранг обязывает иметь и “содержать” соответствующий ему дом. То, что с точки зрения буржуазного хозяйственного этоса представляется расточительностью, – “если ему приходится влезать в долги, почему же он не ограничивал себя?” – есть на самом деле выражение своеобразного сословного этоса знати. Он вырастает из структуры и механики придворного общества... Он не был избран свободной волей» [17, с. 70]. Если торговцу для поддержания социального статуса необходимо соизмерять расходы с доходами, то аристократ вынужден соизмерять траты с требованиями своего общественного ранга. Вид отделки домов знати «требуется красоты, соответствующей происхождению и рангу тех, для кого они строятся, но при этом они никогда не должны демонстрировать того великолепия, которое подобает только дворцам королей» [там же, с. 76], говорится в Энциклопедии Дидро и Даламбера. Как поясняет Элиас, культурные формы, которые мы воспринимаем чисто эстетически, как проявление определенного стиля, самими современниками рассматривались как строго дифференцированное выражение социальных различий: «Герцог должен строить свой дом так, чтобы этот дом выражал: я герцог, а не какой-нибудь граф. То же самое относится ко всей его манере поведения. <...> Он должен следить за тем, чтобы в официальном обиходе за ним оставалось первенство перед графом» [там же, с. 82]. И сама обязанность представлять свой ранг «не знала снисхождения».

Собственно богатство для аристократа никогда не выступало самоцелью. Эта особенность отношения к финансовому благосостоянию, как отмечает Блок, обнаруживается уже на ранних этапах становления привилегированного сословия: «Позволяя течь сквозь пальцы легко приобретенному богатству, благородный утверждал свое превосходство над средним классом, опасаящимся за свое будущее и более расчетливым. Щедрость и любовь к роскоши были не единственными формами столь хвалимой всеми расточительности. Летописец сохранил для нас свидетельство об удивительном соревновании в расточительности...» [12, с. 304]. Говоря иначе, мещанское благополучие не ассоциировалось в сознании аристократа со счастьем и удовольствием от жизни. Превосходство в самых разных формах: верности правилам хорошего вкуса, великолепия дома и изысканности убранства, нарядов, коллекции живописи и т.д. – вот источник удовольствий и цель, для которой богатство служит лишь средством. Насколько данное отношение к экономии и денежным тратам противоположно современному, можно убедиться на примерах жизни людей, считающихся самыми богатыми в мире. «Уоррен Баффет. Самый богатый человек в мире – яхты не имеет, живет в доме, который купил много десятилетий назад за тридцать тысяч долларов и который средний израильтянин постеснялся бы использовать под гараж. В дорогих ресторанах Баффет не питается из всех яств, предпочитает гамбургер, чипсы и кока-колу. Весь мир читает книги, которые написал

Баффет и пытается понять, как он умудрился сделать свои миллиарды. А секрета тут, собственно, никакого нет: во-первых, он умеет ждать.<...> И, во-вторых, он умеет жить экономно. Карлос Слим. <...> Одно из его правил гласит: “Избегай излишеств даже в самые легкие времена своей жизни, ибо это обеспечит тебе стабильность во время наибольших трудностей”. Ингвар Кампрад. Шведский миллиардер – основатель мировой сети магазинов дешевой мебели. Он не учился в школе и в колледже, зато деньги умеет считать прекрасно. Потратить лишнюю крону для него непозволительная роскошь. Машины у него нет, он предпочитает ездить в общественном транспорте, хотя мог бы купить весь автопарк Швеции и Норвегии в придачу. <...> Полл Гетти – нефтяной магнат и самый богатый человек в мире у себя дома установил телефон-автомат, чтобы друзья не использовали его личную телефонную линию и не ввергли его в лишние расходы. Таких примеров можно привести немало, но, на наш взгляд, их вполне достаточно, чтобы сделать вывод: самый главный секрет богатых – экономить, экономить и еще раз экономить...» [18]. Но даже когда сегодня состоятельный человек готов тратить деньги на представительство, дорогие приобретения выступают для него подтверждением своего богатства, а отнюдь не выражением хорошего вкуса. Аристократия же не ставила своей целью демонстрацию финансового состояния, с презрением относясь к подобного рода действиям, распространенным в среде купцов и финансистов. Неумение тратить деньги в понимании аристократа – это экономить и копить богатство или же тратить его на вещи, лишённые ценности с точки зрения вкуса.

На основе сказанного делается понятным следующий вывод: система аристократического общества функционировала таким образом, что обладание хорошим вкусом – это не просто индивидуальное желание, продиктованное свободным выбором, это необходимость, требование, предъявляемое к обязательному исполнению. При этом наличие вкуса, с одной стороны, рассматривалось как обязанность, уклонение от которой незамедлительно каралось, а с другой – выступало как особая привилегия, знак отличия и способ самоутверждения. Внешняя необходимость превращалась во внутреннее требование, осознаваемое как личный долг, как обязанность. Она становится самопринуждением, проявляющимся в дисциплине своего внутреннего мира: вкуса, чувств, желаний и потребностей, реакций на то или иное событие, поведение. Для современного человека дисциплина по преимуществу обнаруживается только в социальном срезе его существования, например на работе, но, как правило, крайне мало проявляется в частной жизни. Последняя не требует представительства. Дисциплина становится необходимой в той степени, в какой это оправдано для получения заработка, карьерного роста или другого способа увеличения своего благосостояния. Для аристократа же принуждение распространяется не только на общественную жизнь, но и на личную. Как обращает внимание Элиас, частной жизни как таковой и не существовало, она находилась под пристальным вниманием общества. В результате маска, надеваемая перед обществом, становится

второй натурой, а точнее, основной натурой. Для аристократа действительно становилось не всё равно, что, кому и как сказать, как именно держать себя в общении с тем или иным человеком, кто находится на высоте культурных достижений данного времени, хороша или нет новая трагедия, насколько превосходно играет тот или иной актер. Необходимость постоянного представительства возвращала в нем потребность в развитии вкуса.

При этом стоит заметить, что вопрос в данном случае заключается не в том, является ли система аристократического общества, как она существовала в XVII–XVIII вв., наилучшей для развития вкуса и высокой культуры, или же возможна система, более удовлетворяющая данной цели, и каковой должна быть ее структура. Речь идет о ситуации, когда представители господствующего класса, ориентируясь на высоту культурных достижений своего времени, становясь их ценителями, потребителями, а нередко и творцами, требовали в качестве подтверждения своего социального статуса наличия соответствующего культурного уровня. При этом, как показывает Элиас, аристократические ценности и вкусы являлись ориентирами для выходцев из третьего сословия, в особенности для тех, кто жаждал влиться в круг высшего общества или получить титул. Одно только его приобретение не делало новоявленного аристократа представителем данного общества, которое могло просто не открыть перед ним двери своих домов. В то же время зачастую оно благоволило представителю непривилегированного сословия, если тот отвечал предъявляемым требованиям и нормам: «С той поры как третье [сословие] обогатилось, многие наемные солдаты стали светскими людьми. ... Утонченные, образованные сердцем и духом, тактичные, знающие литературу, философию, благотворительные, организовывающие праздники, гостеприимные. Один нюанс: мы встречаем у них то же общество, что и у больших вельмож» [17, с. 84]. Что же касается современного общества, высокий социальный статус, столь заманчивый для большинства людей, требует в большей степени финансового подкрепления, но лишь в малой – культурного. Сегодня так называемое высшее общество не задает системы культурных ценностей и вовсе не является примером подражания в этом отношении. Если оно и выступает образцом, то по большому счету только в области экономического потребления. Зачастую положение дел получает даже противоположное направление: группа лиц, имеющих крайне низкий социальный вес, может в то же время обладать более высоким культурным уровнем и требовать его от своих членов. Однако, если эта группа и имеет давление на своих представителей, она не получает влияния в рамках культурной жизни целого общества. А в этом случае любое ее достижение не обретет известности и признания, не станет вкладом в последующее развитие. Тогда как высокая культура предполагает существование инстанции, обладающей властью и авторитетом вершить суд над тем, что должно признаваться в качестве образца всеми. Если относительно некоей области таковая была в прошлом, но отсутствует в настоящем, то в поисках ориентиров и критериев

оценок приходится обращаться к вердиктам судей предшествующих времен, или, коротко говоря, к классике. Как пишет Элиас, после Великой французской революции, бури которой разрушили существовавшую социальную «конструкцию», возникло новое «хорошее общество», но «оно никогда уже не сравнится с прежними по силе формирующего воздействия на жизнь, по детальной проработанности и утонченности образа жизни. Отныне культура светского общения и вкуса живет наследством XVIII века» [17, с. 102]. Классическое наследие – то, что многократно просеяно и выверено временем, то, что было признано мировыми авторитетами разных эпох в качестве высочайших достижений своей области, и должно стать фундаментом для выстраивания системы рангов в той или иной культурной сфере, чтобы направлять дальнейшие искания человеческого духа в его неизбывном движении вперед.

На основе проделанного анализа можно сделать следующие выводы относительно условий, способствующих утверждению ценности и развитию искомой способности в пространстве культурной жизни общества. Представляется, что одним из важнейших условий является наличие общезначимой иерархии оценок, системы рангов. В свою очередь, ее установление требует существования авторитетного органа, или института, собственно, и определяющего, что и на основании каких критериев необходимо относить к разряду лучшего, а что оценивать со знаком минус. В противном случае имеет место узаконивание произвольных интерпретаций, которое, как говорилось выше, снимает саму проблему вкуса и утверждает однопорядковость культурных явлений, в рамках которой делается бессмысленной сама постановка вопроса о критериях выбора лучшего. Тогда как наличие общепринятой иерархии оценивания культивирует в человеке способность и одновременно потребность в отборе, сохраняющем лучшее и отсеивающем плохое и непригодное, т.е. формирует качества, которые являются важнейшими условиями развития культуры.

Кроме того, в отсутствие ранговой системы оценок возникает проблема в определении гения и гениальных достижений. Если массовая культура прекрасно процветает без гениальных догадок, в ее пространстве такая проблема не ставится и просто не имеет значения, важность представляет удовлетворение интересов широкой публики и следующий отсюда коммерческий успех, то высокая культура существует в постоянном превосходении наличного высшего уровня, как движение вверх – она живет творениями гениев. А такая жизнь возможна только в том случае, когда есть твердое установление образцов и результатов человеческой деятельности, определяемых как высшие достижения, как лучшее, непревзойденное. И лишь тот, кому удастся превозмочь то, что до этого считалось непревзойденным, и становится гением. А в ситуации, когда в той или иной культурной сфере однозначно не определены примеры высшего и превосходного, вопрос гениальности просто повисает в воздухе.

Вместе с тем наличие ранговой системы отвечает ряду психологических качеств человека, связанных с его естественным стремлением

к самоутверждению, с желанием побеждать. Как мы попытались показать в данной статье, наиболее полное проявление этих качеств требует существования ранговой системы и однозначного определения высшей планки. Вполне естественно, что в ситуации, когда культурная жизнь общества представляет равнину равнозначных явлений, почвой для самоутверждения становятся, например, бизнес или спорт. Здесь хотя бы ясно, победил ты или проиграл, ясно, чего стоит тот или иной человек как спортсмен или бизнесмен, тогда как в области высокой культуры такое понимание становится весьма затруднительным.

Следующий вывод касается необходимости признания системы рангов в рамках общественного целого и наличия поддерживающих ее социальных механизмов. Речь не о том, что эти механизмы должны повторять «конструкцию» аристократического общества. Речь о соответствии социального статуса индивида его культурному уровню. Вывод банальный и очевидный. Без установления данного соответствия, хотя бы в какой-то степени, высокая культура не будет обладать качествами престижа и привлекательности для многих, что, собственно, сегодня и можно наблюдать в областях науки, искусства, философии. И нет ничего удивительного в том, что стремление достичь вершин профессионализма в указанных сферах представляет скорее исключение, причем довольно редкое, но никак не правило.

Итак, на основе рассмотрения социокультурных реалий XVII–XVIII вв. и их сравнения с тенденциями современной массовой культуры делается очевидным вывод, что развитая способность вкуса, становящаяся ценностью в рамках культурной жизни определенной социальной группы или целого общества, является необходимым условием существования в ее пространстве феномена высокой культуры.

Литература

1. *Вольтер*. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / Вольтер. – М. : Наука, 1974. – 392 с.
2. *Грасиан Б.* Карманный оракул / Б. Грасиан // Карманный оракул. Критикон. – М. : Наука, 1981. – С. 5–66.
3. *Сент-Эвремонт Шарль де Сент-Дени*. Избранные произведения / Шарль де Сент-Дени де Сент-Эвремонт // Максимумы. – М. : Пушкинская библиотека, 2004. – С. 461–512.
4. *Лабрюйер Ж. де*. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. де Лабрюйер // Максимумы. – М. : Пушкинская библиотека, 2004. – 796 с.
5. *Пушкарева Т. И.* Проблема вкуса в структуре современной культуры / Т. И. Пушкарева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 11 (25). – Ч. 1. – С. 153–156.
6. *Чупринин С. И.* Жизнь по понятиям : русская литература сегодня / С. И. Чупринин. – М. : Время, 2007. – 766 с.
7. *Буало Н.* Письмо к г-ну Перро, члену Французской академии / Н. Буало // Спор о древних и новых. – М. : Искусство, 1985. – С. 315–322.

8. Эстетика : словарь / под ред. А. А. Беляева [и др.] – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.
9. Постмодернизм. Энциклопедия / под ред. А. А. Грицанова, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2001. – 1037 с.
10. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.
11. Корнеев Ю. Б. Шамфор и его литературное наследие / Ю. Б. Корнеев, Э. Л. Линецкая // Себастьян-Рош Никола де Шамфор. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/dobavitknigu/b/187520/read>
12. Блок М. Феодальное общество / М. Блок. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 503 с.
13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1981. – 445 с.
14. Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции / Л. А. Пименова. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 215 с.
15. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла : прелюдия к философии будущего / Ф. Ницше. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. – 240 с.
16. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. – СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. – 384 с.
17. Элиас Н. Придворное общество : исследования по социологии короля и придворной аристократии / Н. Элиас. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 367 с.
18. Как живут самые богатые люди в мире. – Режим доступа: <http://istoriiuspehov.ru/samyebogatye-ludi/kak-zhivut-samyebogatye-ludi-v-mire.html>

Воронежский государственный университет

Вяткина А. Г., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: alla.vyatkina@mail.ru

Тел.: 8-908-130-64-09

Voronezh State University

Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: alla.vyatkina@mail.ru

Tel.: 8-908-130-64-09